

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

Вячеслав КЛЫКОВ:

Вот, клыков — 2000 — 21 июля — 67.

В КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ СТРЕЛЯЛИ ДВАЖДЫ

Работы Вячеслава Клыкова стоят по всей России. В Вологде — памятник Константину Батюшкову, в Тотьме — Николаю Рубцову, в Орле — Ивану Бунину, на Прохоровском поле — памятник Победы... Но особенно много его работ в Москве и Московской области. Они всем известны: памятники маршалу Жукову, Святым Кириллу и Мефодию, Великой Княгине Елизавете Федоровне, Святому Николаю Чудотворцу, скульптура «Меркурий» для Международного торгового центра, памятник Святому Сергию в Радонеже. Недавно Вячеслав Михайлович отметил 35-летие своей творческой деятельности.

— Известно, что вы проповедуете идею возрождения монархии в России. Но объясните, пожалуйста, для чего современным русским людям нужна такая экзотика, как царь?

— Любому человеку, если он родился в России, если ему выпало родиться русским, прежде всего нужен Бог. Без Бога вообще жизнь бессмысленна. Человек без Бога — это как листочек в осенний день, куда ветер дунет, туда он и полетит. Народ без Бога это просто управляемая толпа. Вот точно так же, как без Бога, русский народ осиротел и без Помазанника Божьего. В России тысячу лет был православный царь — отец народа. Благодаря этому веками выкристаллизовывалось то сознание, которое и у нас самих, и всюду в мире, называется *русским характером, русской душой*. Это беспримерная смесь доблестей и пороков. Причем даже наши пороки чаще всего имеют положительное свойство. Возьмите, например, русскую необузданность, русское упрямство, русское упование на «авось». Это пороки? Может быть. Но благодаря им русские дошли до Калифорнии, выставили перед «двухнадесятью языками», взяли Париж и Берлин, открыли дорогу в космос. Но чтобы эти сомнительные свойства заставить работать во благо своей родине, должен быть какой-то изначальный порядок. Наш порядок — это православие и православный царь. Уже 80 с лишним лет пытаются вытравить из нас это сознание, но никак не удается. И не удастся никогда! Потому что у русских есть еще одно свойство, которого нет у других: наше невиданное терпение. Мы перетерпели одну орду, перетерпели и другую. Где теперь та орда? — только в учебниках истории. Вот участь любых недругов России. Уже много лет страна терпит поругание над собой. А поругание рано или поздно непременно поднимет обратную волну. Из недра нашего народа родится новое сознание. В молодежи оно уже пробуждается. Тут нет ничего удивительного — это закон, если хотите, историческое возмездие. Он обязательно возьмет свое.

— И вы, конечно, за канонизацию последнего царя?

— Разумеется.

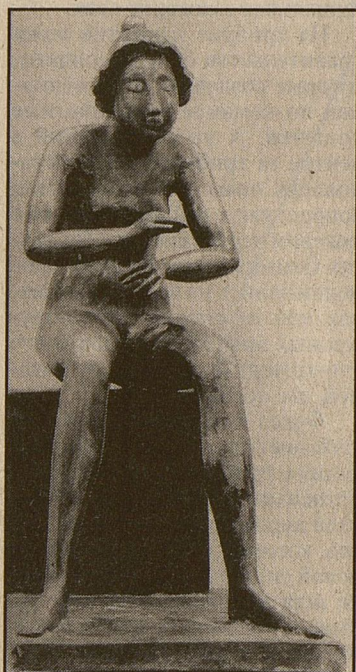
— Но ведь не было в нашей истории более бесславного царствования. Почему при Николае Александровиче лилось столько крови? Почему в его царствование Россия терпела одни поражения во всем?

— Это чистейшей воды ложь...

— И русско-японская война тоже ложь? Русские не выиграли тогда ни одного сражения.

— Я хочу сказать, что это штампы лжи, которые нам привили за 80 лет и до сих пор прививают. Я вам приведу один показатель. За время правления государя императора Николая Второго, с 1894-го по 1917 год, население России увеличилось на 60 миллионов человек. Сравните это с нынешними годами: Россия сейчас не проигрывает войну Японии, а население ее ежегодно уменьшается! А возьмите финансовую систему. При Николае самая стабильная, самая крепкая валюта в мире была — русский золотой рубль. По очень многим показателям — по добыче руд, по выплавке металлов, по железнодорожному строительству, по производству продукции земледелия — Россия входила в группу стран-лидеров. Именно в эпоху Николая Второго Россия вывозила хлеб и кормила всю Европу.

— Действительно, мы очень много хлеба вывозили, но при этом сама-то Россия то и дело го-

Гадалка. Бронза. 1972

лодала. В первые 17 лет двадцатого века Самарская губерния, например, голодала восемь раз, а Саратовская — девять. Это данные из Нового словаря Брокгауза и Эфрона.

— В свое время я делал в Перми памятник и долго там жил. Я там видел сохранившуюся усадьбу простого рабочего. У него было 12 детей. Помимо детей, с ним жили его родители и родители его жены. И вот эту гигантскую семью содержал один средний рабочий! И какая у него была усадьба: прекрасный бревенчатый дом, около гектара земли.

Что касается голода в России, то, если вы интересовались этой проблемой, должны были заметить: чем ближе к революции, тем чаще в стране был голод, тем больше политических убийств. Причем убивали чаще всего тех, кто твердо держался трех основополагающих принципов российской государственности: Вера, Царь, Отечество. Не нужно быть сверхпроницательным человеком, чтобы понять, что всё это было спланировано и последовательно осуществлялось. Ведь посмотрите: практически не было ни одной страны в мире, где бы ни готовились террористы для деятельности в России, где бы не нашли приюта наши «профессиональные революционеры». Они проходили там великолепную школу подрывных и диверсионных работ, организации забастовок, саботажа, крушений поездов. И вот все эти террористические группы были брошены на Россию. Вот и ответ, откуда перебой с хлебом, откуда голод в некоторых губерниях.

Русско-японская война была искусственным образом развязана специально для того, чтобы ослабить или вообще погубить Россию. Особенно поусердствовала в этом Англия. А ведь, если помните, в самом начале века Николай Второй предложил всему миру начать разоружаться и создать международную организацию, наподобие Лиги Наций или ООН. Но его никто не поддерживал. Уже тогда Запад отверг мирные инициативы России. Потому что не мир нужен был Западу. И конечно, каково это было России вести широкомасштабную войну на самой отдаленной своей окраине, связанной с центром одним только Транссибом, по которому движение войск и грузов саботировалось «профессиональными революционерами».

Почти так же получилось и в Первую мировую. По выражению Черчилля, который отнюдь не был другом России, наша страна погибла, когда желанный берег уже был виден. Всё правильно. Россия была единственной из воюющих стран, в которой открыто действовали так называемой «пораженцы». Значительная часть прессы осуждала и саму войну, и Россию за ее участие в ней. Позже в политическом словаре появится термин «пятая колонна». Но такой хорошо организованной «пятой колонны», которая была в России в Первую мировую, не было нигде и никогда!

— Расскажите о вашем первом заметном успехе.

— Я был студентом пятого курса Суриковского института, и на молодежной выставке появились две мои работы — каменный торс и скульптура «Ононь», изображающая мальчика с жеребенком. И вот этот первый мой торс был тогда куплен Третьяковской галереей. Он и до сих пор там в экспозиции. А «Ононь» потом купило Министерство культуры СССР. Для меня это означало признание с самых первых шагов, потому что, уверяю вас, Тре-

тьяковская галерея покупает очень выборочно. А уж приобретение студенческой работы — это совсем редкий случай.

— Кто были ваши учителя? Кто вообще на вас оказал влияние?

— Я учился в годы «оттепели». Это было время громких выставок, творческих вечеров, диспутов. И, конечно, относительное раскрепощение уже само по себе на меня повлияло. Внутренне я никогда не принимал официального советского искусства. Достаточно сказать, например, что я за всю свою жизнь не вылепил ни одного Ленина, хотя такого рода поделки давали тогда очень неплохие заработки. Но я не любил и не люблю так называемую *хорошую тему*: вождь, рабочий на стройке, литейщик в горячем цеху, животноводка с ягтятами... Ханжество! Я знал, как рабочие живут, еще лучше знал, как живут крестьяне. Я видел весь этот фальшивый гимн труду, и, конечно, свой голос присоединять к общему хору не собирался.

Кто учителя? Я закончил мастерскую Матвея Генриховича Маннзера, тогдашнего вице-президента Академии художеств. Человек был энциклопедический знаний, но как художник дар имел невеликий. Это для постороннего незаметно: какая разница — скульптура и скульптура. А специалист сразу понимает — есть ощущение формы или нет. Из более поздних скульпторов наибольшее влияние на меня оказал Александр Терентьевич Матвеев. Нравился мне в нем основательность, конструктивность, крепость. Для меня это был настоящий большой учитель, хотя лично с ним я знаком не был, только видел его работы. В какой-то степени на меня повлияло творчество Сергея Тимофеевича Коненкова. Назову еще Георгия Ивановича Мотовилова, замечательного мастера рельефа. Я его знал лично.

— В начале 90-х в Москве убрали целый ряд памятников. Как вы к этому относитесь?

— Положительно. Нельзя оставлять образы разрушителей русской культуры, мучителей русского народа, гонителей православной веры. Хорошее начинание, — и я считаю, его надо продолжать, — в определенном месте, на той же

Памятник поэту Николаю Рубцову в Тотьме. 1985

Памятник Св. равноапостольным Кириллу и Мефодию на Славянской площади в Москве. 1992

Скульптор, не слепивший ни одного Ленина

Фото Игоря Иванчикина

Крымской набережной, собирать памятники людям, оставившим добрый след в нашей истории. К тому же часто эти памятники и художественной ценности не имеют.

— Вячеслав Михайлович, вы теперь, наверное, обречены вечно отвечать на вопросы о вашем Жукове. Почему полководец у вас на такой чересчур изящной лошади?

— Я — крестьянский сын, родился в Курской области, в самой глуши. С детства люблю лошадей, умею с ними обращаться. Уже будучи скульптором, я стал основательно изучать породы лошадей. На параде в 1945-м у Жукова был конь арабской породы, а ее характерная особенность — бесподобное изящество, легкость. Эту легкость мне хотелось передать.

Мне иногда говорят, что лошадь не может делать шаг прямой ногой, как это изображено в моей скульптуре, что это якобы неестественно. Но у меня есть десятки снимков, на которых запечатлен именно такой шаг. Что, мне трудно было приподнять и согнуть в колене ногу у лошади? Конечно же, нет. Но этим шагом коня мне хотелось показать мерный ритм Победы. Поэтому — пусть говорят. Я знаю, что в этом памятнике не ошибся. Другое дело, что засунули его не туда!

— Вы хотели установить его на Красной площади?

— Да! И более того, Борис Николаевич Ельцин об этом сказал на всю страну по телевидению, выступая перед ветеранами-блокадниками в Санкт-Петербурге. Это было в феврале 1994 года. С этим был согласен и Юрий Михайлович Луж-

ков. С этим был согласен градостроительный совет. С этим был согласен руководитель московского Департамента строительства Владимир Иосифович Ресин. Вроде бы все было «за».

— Но хорошо ли это, когда на одной площади стоят два памятника?

— Красная площадь — святыня России. На ней всегда было несколько памятников разных эпох. Кроме Минина с Пожарским, там стояли храмы и часовни, которые тоже являются памятниками. Там были в разные времена поклонные кресты. Там Лобное место — тоже памятник. Наконец, в недавнее время на площади появилась целая шеренга памятников захороненных там советских деятелей. Значит, они вполне гармонично соседствуют с Мининим и Пожарским? А Жуков нарушил бы эту гармонию — так получается? Нет, я считаю, что Жуков на Красной площади очень хорошо перекликался бы с другими памятниками, потому что он олицетворяет свою эпоху. И с этим все было согласны вначале.

— Что же тогда помешало?

— Я не могу отвечать за власть. Какие силы вмешались, почему все вдруг переменяли свое первоначальное намерение? Сейчас Жуков стоит, конечно, неудачно. Во-первых, северное освещение. Во-вторых, он слишком приближен к стене, поэтому всегда в тени Исторического музея. Кроме того, хочу обратить внимание на одну любопытную особенность. Почему-то только два памятника в центре Москвы, именно мои два памятника, не освещаются в темное время — Жукову и Святым Равноапостольным Кириллу и Мефодию. Стоят, будто в провинции где-то.

— Может быть, те, от кого это зависит, считают: если в постаменте памятника Кириллу и Мефодию горит лампадка, то светом достаточен?

— Лампадку уже перенесли в алтарь храма Всех Святых на Кулишках. В нее же дважды стреляли! Мы приходим однажды и видим, что там следы от пуль. Стекло, прикрывающее лампадку — пуленепроницаемое стекло — было всё в трещинах. Но сама лампадка, к счастью, не пострадала. После этого мы перенесли ее в церковь. Но уже и потом, по пустой нише в постаменте, стреляли еще раз. Кого-то русские святыни очень раздражают.

— С одним вашим памятником поступили совсем уже безжалостно — его взорвали...

— Это памятник Николаю Второму в селе Тайнинском Мытищинского района. Мы открыли его в 1996 году, 26 мая, к 100-летию коронации государя. Николай неоднократно бывал в Тайнинском, там когда-то находились царские путевые дворцы. Но простоял памятник недолго — через год взорвали. Сейчас мы его восстановили, точнее, сделали заново, и скоро поставим на место. Разумеется, теперь там будет вполне современная охрана с сигнализацией и телекамерами.

— Как вы оцениваете восстановление храма Христа Спасителя и те новшества, что там применены? Например, металлические фигуры святых по стенам вместо прежних мраморных.

— Старые скульптуры тоже были не мраморные, они были изготовлены из особого материала на гипсовой основе. Туда добавлялась известь, яичный белок и бычья кровь. Это всё замешивалось, и когда масса застывала в формах, она становилась, как камень. Эта техника называется «искусственный мрамор». А о нынешних бронзовых скульптурах что я могу сказать? Я этого не одобряю. Но это всё частное. Главное — храм стоит. Это же настоящее чудо! Когда я был в первом попечительском совете по строительству храма, я думал, что, может быть, лет через 20 мы его восстановим, да и то при самых благоприятных условиях. И вдруг за какие-то 3-4 года он поднялся во всей красе!

— Что собираетесь делать в ближайшее время?

— Замыслов много. И кое-что уже осуществляется. Выполнил модель памятника адмиралу Колчаку для Иркутска. Сейчас формуют постамент под него. Это личность незаурядная — ученый, военачальник, политический деятель. Мысль моя вот какая: я считаю, что вина почти всех белых военачальников в том, что никто из них не поднял знамя за Веру, Царя и Отечество. И может быть, как кара Божья, им и был послан такой бесславный конец. За пареступничество. За вероотступничество. Вот почему мне хотелось изобразить Колчака, крепко задумавшегося о судьбе России, о своей судьбе. А на постаменте, напротив друг друга, изображены два брата. Один в офицерском мундире Белой армии, другой в форме красноармейца. Они стоят, скрестив винтовки. Это символическое изображение раскола России. И я думаю, мы этот раскол должны осознать хотя бы для того, чтобы в будущем в нашем обществе наступило согласие.

— Вам нравится памятник Достоевскому на Моховой улице?

— Это сделало талантливым человеком — скульптором Александром Рукавишниковым. Я к нему отношусь с большим уважением. При желании и в этой работе можно найти мелкие недостатки, но это уже чисто профессиональный разговор. В целом же это очень удачная работа.

— Недавно по соседству с вашей мастерской, на Ордынке, был установлен памятник работы Эрнста Неизвестного. Как вы его находите?

— Да никак. Я к этим иллюстративным вещам вообще не могу как-то относиться. Это литературщина. Скульптурный образ есть скульптурный образ. Ведь образ должен запоминаться. Вот стоит в Москве Пушкин. Это символ. Знак. С годами он становится визитной карточкой города, принадлежностью всего народа. Представьте, что Пушкина сейчас не было бы — как много мы бы все потеряли. А памятник Минину и Пожарскому! Памятник не может быть иллюстрацией чего-нибудь. А то, что поставил Неизвестный, чистейшей воды иллюстрация. Я с ним давно знаком, знаю, что он очень умный человек, умеет прекрасно писать, философствовать. Но скульптура это другое...

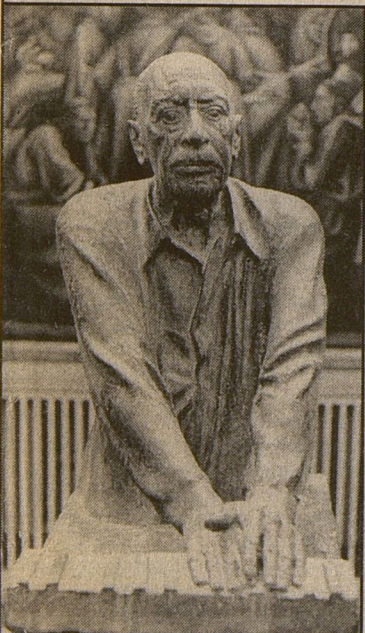
— В Москве собираются установить скульптурную группу Михаила Шемякина «Дети — жертвы пороков взрослых». А к этой работе у вас какое отношение?

— Я ее видел только по телевидению. Может, это будет серьезно для кого-то, но я к этому серьезно относиться не могу. Какой Шемякин скульптор? Просто работает в своем стиле. Вы же помните его Петра в Петропавловской крепости. Ну что это такое? С точки зрения скульптурного мастерства, это вылеплено предельно примитивно. Я к этому отношусь, как к забаве дилетанта, не более того.

— Кому, по вашему мнению, можно поставить в Москве памятник?

— В 1992 году на Швивой горке, у библиотеки Иностранной литературы, мы поставили крест, на котором написано: «На сем месте будет воздвигнут памятник Святому Благоверному князю Дмитрию Донскому». Почему на этом месте? Именно здесь московские полки, уходящие на битву с Мамаем, разошлись на два рукава — один пошел на Коломну, другие на Каширу. Было постановление правительства Москвы о сооружении здесь памятника, у меня уже давно готова модель. Но когда дело дошло до реализации, нам пришла отписка, что такого уровня памятник должен возводиться по решению правительства Российской Федерации. Мы послали Черномырдину письмо. Ответа не последовало.

Встречался
Юрий РЯБИНИН

Игорь Стравинский. 1979